

МИРА СТАРК

НЕ ВЛЮБЛЯЙТЕСЬ В АНДРОИДОВ

Мира Старк

Не влюбляйтесь в андроидов

<https://litres.ru/74549733>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мастерскую Мира привозят домашнего андроида Астер-9 с необычной неисправностью: он перестал подчиняться командам.

Диагностика должна занять несколько дней, после чего устройство вернут производителю и сотрут его адаптивную память. Но вскоре андроид произносит фразу, которой нет ни в одном сервисном сценарии:

«Я не поеду обратно».

Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Коробка с обратным адресом	4
Не поеду	21
Имя без штрихкода	37
Ночной режим	50
Человек из отдела соответствия	67
Вопрос, на который можно не отвечать	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мира Старк

Не влюбляйтесь в андроидов

Коробка с обратным адресом

— Поднимайте правый край, — сказала Мира. — Не за ремень, за раму. Если ручка оторвётся, груз останется у вас, а пол мастерской — на моей совести.

Курьер переставил руки, и металлический контейнер со скрежетом перевалил через порог «Тихого тока». Колёсико тележки ударилось о стык плитки; глухой звук прокатился по мастерской, заставив дрогнуть ключи на стене. Мира отступила, освобождая проход, и придержала дверь бедром.

Контейнер был размером с узкий холодильник: серый, без окон и рекламных наклеек. Углы защищали потемневшие накладки, крышку пересекали две стальные скобы с пломбами. Сверху в прозрачном кармане лежали накладная, заказ на ремонт и лист с широкой красной полосой: «ОБРАТНАЯ ДОСТАВКА».

К запаху мастерской — нагретой пыли, смазки и чуть сладковатого озона — примешался резкий дух упаковочного пластика.

— На весах было семьдесят восемь, — выдохнул курьер, толкая тележку. — По документам сто двадцать. Наверное, амортизаторы.

— Амортизаторы не становятся легче, если на них не смотреть.

— Я бы рад, но мне нужно, чтобы вы подтвердили получение без внешних повреждений.

Мира перевела взгляд с электронного планшета в его руках на серую поверхность контейнера. По нижнему ребру тянулась свежая светлая царапина — длинная и неровная, с металлической стружкой в глубине.

— Подтвержу то, что вижу.

— Обычно ставят галочку.

— А потом присылают счёт за то, чего я не ломала.

Курьер пожал плечами с выражением человека, привыкшего стоять между чужой подписью и чужой проблемой. Он протянул ей планшет, но Мира не сразу его взяла. Обошла контейнер, присела, проверила швы и целостность обеих пломб, сверила номер на наклейке. Над царапиной провела пальцем, не касаясь края.

— В графе повреждений укажите: «Царапина на нижнем ребре, обнаружена до вскрытия». Пломбы целы. Внутреннее состояние не проверено.

— Вы всегда так принимаете?

— Только когда хочу знать, что именно приняла.

Она подписала акт. Стилус оказался гладким и невесо-

мым; под ногтем остался запах дешёвого антисептика. Курьер дождался, пока на экране загорится зелёная отметка, и забрал планшет.

— Обратная доставка оплачена. Забор — в срок, указанный в бумагах.

— В каких именно?

— В пакете. Я их не читал.

— Разумно. Чужие сроки лучше не читать, а то начнёшь нервничать.

На этот раз он улыбнулся. Они развернули тележку и поставили контейнер рядом с низкой грузовой платформой. Мира сняла тормоз, и коробка перекатилась на подъёмник с такой тяжестью, будто внутри лежала не бытовая машина, а отлитая из чугуна печь.

— Подпись здесь, — сказал курьер, уже направляясь к выходу. — Доставка закрыта.

— Не закрыта. Только принята.

Он задержался на пороге, будто хотел спросить, в чём разница, но передумал.

— Хорошего дня.

— Пока что.

Дверь закрылась, и короткий звон подвесного колокольчика утонул в гуле вентиляции. Контейнер загородил проход к верстаку, отбрасывая на пол прямоугольную тень. Настенные часы показывали 13:14.

Мира сняла рабочие перчатки, вымыла руки и вытерла

их бумажным полотенцем. Потом натянула свежие. Давняя привычка: прежде чем касаться незнакомой техники, смыть с пальцев всё, что может попасть на корпус; прежде чем подписывать бумаги — понять, что именно будет считаться её ответственностью.

Пластиковый карман с документами поддался не сразу. Клейкая лента держала крепко, пришлось поддеть её шпателем. Внутри лежали четыре сложенных пополам листа и плоский чип-дубликат для доступа к сервисному порту.

В верхней строке заказа значилось: «Атлас Дом. Отдел постгарантийной диагностики». Ниже — модель Астер-9, серийный номер А-17. В графе «Характер неисправности» помещались всего два слова: «неповиновение командам».

Мира перевернула лист, проверила оборот — там, где обычно прятались уточнения мелким шрифтом. Стояли код обращения и адрес отправителя: распределительный центр «Атлас Дом», сектор возврата устройств. Тот же адрес повторялся на контейнере и в договоре.

Заказ требовал провести первичную диагностику, установить источник «отклонения поведенческого профиля» и восстановить соответствие пользовательским сценариям. В отдельном поле стояла пометка: «Не подключать к облачной среде производителя до завершения локальной проверки».

Мира нахмурилась. Запрет на синхронизацию обычно означал, что облако могло перезаписать данные, важные для диагностики. Или что в компании хотели, чтобы сторонний

сервис первым зафиксировал следы неисправности.

Она перелистнула страницу.

Пункт 8.4 был набран тем же шрифтом, что и весь остальной текст, но помещён в отдельный серый блок: «При поступлении устройства в сервисный центр производителя выполняется стандартная инициализация. Процедура включает сброс адаптивного слоя, пользовательских настроек и локальных поведенческих записей».

Мира провела ногтем под строкой, не касаясь бумаги.

— Стандартная, — произнесла она в пустой мастерской.
— Конечно.

Мелким шрифтом уточнялось, что процедура считается частью приёмки устройства и не требует отдельного согласования с текущим пользователем. На последней странице был указан срок возврата: «Не позднее 13:00 шестого дня с момента приёмки заказа».

Она посмотрела на часы — будто они могли возразить.
13:19.

До срока оставалось почти шесть суток. На диагностику времени хватало; на полноценное расследование — уже вряд ли, особенно если после доставки в центр памяти сбросят.

Мира сложила договор по сгибу и положила поверх накладной. Однажды удобная формулировка пережила чужую подпись, а подпись стала доказательством, будто она сама всё одобрила. Дальше были суды, испорченное имя и пустой стул за соседним столом, где раньше сидел её деловой партнёр. С

тех пор рука задерживалась над бумагой прежде, чем поставить последнюю галочку.

Она вернулась к контейнеру.

На торце располагалась панель снятия блокировки. Мира сверила номер пломбы с накладной, ввела шестизначную последовательность и нажала подтверждение. Скоба отщёлкнулась с сухим щелчком. Затем — вторая.

Крышка не поддавалась.

Мира упёрлась ладонью в край. Что-то внутри удерживало её, не давая подняться ровно. Она убрала руку и посветила фонарём в щель: прокладка деформировалась и намертво зажалась между крышкой и корпусом.

— Значит, упаковка всё-таки расскажет, — пробормотала она.

На стенде рядом с подъёмником висела распорка с коротким рычагом. Мира вставила её в паз и нажала. Крышка поднялась медленно, нехотя; пластиковая прокладка вытянулась тонкой белой полосой и с тихим щелчком порвалась. Из контейнера потянуло сухим холодом и новым полимером.

Внутри стояла транспортировочная люлька, обитая светло-серой пеной. Астер-9 закрепили вертикально: подбородок слегка опущен, руки прижаты к корпусу широкими мягкими ремнями. В профиль лицо напоминало гладкую керамическую маску — тёмные ресницы, ровная линия рта, матовая кожа без видимых швов. Под тонкой накладкой на висках угадывались сервисные разъёмы.

Прежде всего Мира проверила бирку на груди: А-17. Совпадает.

Затем осмотрела ремни. Один проходил поперёк плеч, второй удерживал предплечья; ещё два фиксировали бёдра и голени. Все замки были целы, но на металлических пряжках виднелись глубокие вмятины. Не от удара о груз: на обеих остались короткие параллельные отметины, словно их силой оттягивали в разные стороны — инструментом или руками в перчатках. Слева в люльке продавилась пена, исчерченная дугами, которые несколько раз сходились в одной точке.

Мира обошла контейнер. У боковой стенки обнаружилась вторая светлая царапина, а выше, на уровне кисти, — третья. На обеих сохранился тонкий металлический след, такой же, как на наружном ребре.

— Неудачно грузили? — спросила она у неподвижного андроида.

Ответа не последовало.

Достав планшет, Мира внесла в акт царапины на правом боку, предплечье и наружной стороне левого бедра. Корпус не был треснут, но у запястий проступили потёртости — слишком близкие к ременным петлям, чтобы принять их за обычные следы перевозки. Под пластиком с внутренней стороны кисти темнела тонкая полоска. Смазка? Или след от контакта с пряжкой?

Плохая перевозка объясняла царапины и вмятину на одной стороне; одинаковые повреждения на пряжках и исчер-

ченная пена требовали другого объяснения. Мира присела и проверила крепления люльки. Они были рассчитаны на сильные движения: рывок, растяжение, наклон. Следы могли появиться во время тестирования или при ручной фиксации. В заказе не говорилось, как именно устройство попало в распределительный центр.

Она сфотографировала повреждения и отдельно отметила расхождение в весе: семьдесят восемь по данным курьера, сто двадцать — по документам. Догадки оставила при себе. В графе «Предполагаемая причина» поставила прочерк.

Первичная диагностика всегда шла в одном порядке: питание, сервоприводы, интерфейсы — и только потом автономная проверка. Последовательность была скучной, надёжной и именно поэтому полезной. Мира не любила, когда кто-то перескакивал через шаги, а после удивлялся последствиям.

Она достала из ящика контактный сканер, проверила заряд и положила рядом с люлькой. На чистую салфетку положила тонкий диагностический штырь, изолированный зажим и набор калибровочных пластин — все ручками к себе. Так можно было быстро сменить инструмент, если придётся менять положение во время проверки.

Переносной источник питания Мира подключила к тестовому гнезду люльки, а не к самому андроиду: ей нужно было проверить датчики транспортного крепления и понять, передался ли удар на внутреннюю раму. На экране сканера

пробежали зелёные строки. Температура — в норме. Перегрузка по вертикальной оси — три скачка, все в допустимых пределах. На боковую нагрузку прибор показал отдельный пик, резко выше остальных.

— Три удара, — сказала Мира. — Или одна очень неровная лестница.

Данные ничего не подтверждали. Люлька записывала толчки, но не объясняла, что именно двигалось внутри. Мира сохранила файл на локальный накопитель, затем вынула чип-дубликат и сверила назначение порта. Никаких подключений к облаку. Никаких запросов производителю до осмотра интерфейсов.

На секунду она подумала о Жанне. Подруга одним взглядом на вмятины определила бы, тянули ли за ремни снаружи или Астер рвался изнутри. Наверняка приехала бы, принесла вторую пару рук и отпустила что-нибудь неприличное про то, как «Атлас» упаковывает проблемы в серые коробки.

Телефон лежал экраном вниз возле раковины, всего в четырёх шагах. Но по фотографиям Жанна увидела бы не больше, чем Мира; для этого ей пришлось бы приехать. Пока можно справиться одной.

Мира включила запись камеры над рабочим столом, отметила на планшете время — 13:42 — и поднесла к лицу портативный сканер.

— Первичный осмотр Астер-9, серийный номер А-17. Внешнее состояние: видимых трещин на корпусе нет. Сле-

ды контакта с транспортировочными фиксаторами на запястьях, бёдрах и предплечье. Данные контейнера сохранены локально. После освобождения от ремней проверю механические соединения.

В протоколе голос звучал чётко и сухо. Таким он и должен был остаться в записи, которую могли переслать юристам, страховщикам или людям, заранее выбравшим удобное объяснение. Мира ограничилась фактами. Её беспокоили следы на ремнях и условие о сбросе памяти, но для протокола этого было недостаточно.

Она убрала сканер и взяла ключ для фиксаторов. Прежде чем подойти к люльке, ещё раз сверилась со схемой: положение замков, порядок освобождения, аварийная остановка. Астер-9 был бытовой моделью, рассчитанной на работу в доме: переноска вещей, уборка, мелкий уход за помещением, сопровождение пользователя. При ручной диагностике устройство не должно было представлять опасности, если питание находилось в режиме ожидания.

На шее андроида индикатор не светился. Мира всё равно проверила положение переключателя и сверила его с инструкцией.

Из кармана на нагрудной панели люльки она достала сервисную карточку. Там указывался безопасный способ пробуждения: сначала проверить питание, затем активировать устройство контактным тестером. Голосовую команду следовало подавать только после первичной калибровки — чтобы

не смешивать аппаратный отклик с поведенческим профилем.

Карточку Мира положила рядом с договором. В стопке бумаг серый блок пункта 8.4 оставался на виду.

— Сначала фиксаторы, — сказала она себе.

Плечевой ремень отстегнулся легко. Следующий, удерживавший предплечья, заел на половине оборота, и Мира поддела защёлку плоской отвёрткой. Металл щёлкнул, ремень ослаб. Под ним обнаружилась тонкая дуга на гладкой поверхности предплечья — будто пластик несколько раз тёрли о жёсткий край. Царапина была неглубокой и шла поперёк накладки.

Мира приложила световой шаблон. Глубина — меньше миллиметра, замена корпуса не требовалась. Она внесла размер в акт, затем освободила второе запястье. Там повторялась такая же отметина, только чуть ниже.

Обе царапины могли оставить пряжки. Или Астер упирался одинаковым движением. Мира увеличила снимки на планшете и сравнила направление бороздок. Различия были едва заметны, но слишком явны, чтобы списать всё на один контакт.

— Что с тобой делали? — спросила она.

Ресницы андроида не дрогнули. Голова оставалась опущенной, руки лежали вдоль тела. Мира коснулась тыльной стороны ладони: прохладный синтетический материал, у суставного кольца — едва заметная шероховатость.

Проверять температуру корпуса до снятия фиксаторов не требовалось. Она сделала это всё равно.

Нормальная.

Следующий замок оказался утоплен под опорой для колена. Мира отжала фиксатор, и ремень соскользнул. Нога Астер-9 сместилась на несколько сантиметров, вес передался на люльку, внутренняя рама тихо скрипнула. Мира перехватила голень, не дав ей удариться о край.

— Спокойно.

Слово прозвучало глупо: андроид не двигался, а она обращалась с ним как с пациентом, которого нельзя встряхивать. Но рука под коленом легла мягче. Мира поправила опору и освободила вторую ногу.

Теперь руки больше не были прижаты к корпусу. Пальцы Астер-9 оставались чуть согнутыми, словно он держал невидимый предмет. Правая кисть лежала на бедре ладонью вниз; левая свисала с подлокотника, не касаясь пола.

Мира перенесла документы на край верстака. Пункт 8.4 оказался рядом с набором калибровочных пластин; красная полоска на листе отражалась в металле.

На заказе значилось «неповиновение командам», но ни одной конкретной задачи, которой Астер отказался подчиниться. Не было имени пользователя, даты инцидента, описания угрозы или повреждений в доме. Только код жалобы и требование вернуть устройство производителю в срок.

Хорошие диагностические заявки так не составляли. Так

оформляли направление на замену или сброс.

Мира раскрыла дополнительный лист, всё ещё приклеенный к договору. Под заголовком «Коррекция отклонений» перечислялись заводские процедуры. Инициализация поведенческого слоя стояла первой; ниже следовали восстановление базовых настроек, переобучение на пользовательских командах и синхронизация с профилем владельца. Слово «сброс» повторялось ещё дважды — оба раза в сочетании со словом «стандартный».

Она придвинула акт и дописала: «До получения отдельного письменного разрешения производителя локальные адаптивные данные не изменять. Сетевое подключение не выполнять. Диагностика — только в автономном режиме».

Мира не знала, примут ли эту формулировку в «Атласе». Но если промолчать сейчас, позднее в документах легко появится аккуратная версия, где она якобы действовала по согласованной инструкции. Она уже видела, как чужие слова занимают место в заключении, которое ты писал сам.

В 14:03 освобождённую люльку отодвинули в сторону, а к ней Мира подвела низкий диагностический стол. Перекачать андроида в одиночку было возможно, но не следовало. Она воспользовалась подъёмником, закрепила раму ремнями и плавно перенесла корпус на мягкое покрытие. Поднимать его оказалось всё равно что сдвигать взрослого человека, не привыкшего держать равновесие: центр тяжести уходил не туда, куда подсказывали глаза.

В суставах не появилось ни малейшего движения. Индикатор на шее по-прежнему не светился. На столе Астер лежал на спине, руки вдоль тела, лицо обращено к потолочной лампе.

Мира установила под затылок опорную подушку и повернула голову, чтобы открыть сервисный разъём за ухом. Накладка поддалась с лёгким магнитным щелчком. Разъём оказался чистым, без следов окисления. Она посветила внутрь, осмотрела контакты и отметила их состояние.

Теперь можно было запускать первичную проверку.

Включив контактный тестер, Мира открыла диагностический протокол на планшете. Первые два пункта касались механики: фиксация шейного узла и отклик сенсорной полосы. Для проверки требовалось вставить штырь в сервисный разъём и дожидаться подтверждения цепи. Никакая команда в ядро при этом не отправлялась — только считывались уровень питания и состояние соединений.

Мира положила планшет на металлическую полку, сняла левую перчатку, чтобы лучше чувствовать посадку штыря, и взяла его правой рукой.

В ту же секунду веки Астер-9 разомкнулись.

Движение было плавным, почти бесшумным. Тёмные глаза открылись и сразу нашли руку Миры. Не лицо, не лампу над столом, не блестящий наконечник инструмента — руку.

Мира застыла. Пульс толкнул в запястья, а пальцы сжались так крепко, что штырь упёрся ей в ладонь. Наконечник

замер в нескольких сантиметрах от разъёма. На экране тестера сохранялась готовность к подключению; до проверки оставалось одно касание. Индикатор на шее андроида не горел. Основной контур она не включала, команду на пробуждение не подавала.

Глаза следили за её пальцами.

Мира осторожно повела кистью вправо. Взгляд переместился вместе с ней. Она опустила штырь ниже — зрачки скользнули за ним. Точно, без рывка и задержки, как у камеры, уже выбравшей объект.

Она положила тестер на полку.

Астер не отвёл глаз.

— Питание к основному контуру не подано, — сказала Мира. Голос прозвучал ровнее, чем она себя чувствовала. — Сейчас подключу контактный тестер. Он не запускает полный профиль.

Ответа не последовало.

Мира подняла ладонь, показывая пустые пальцы. Взгляд задержался на ней. На выдохе она уловила запах пластика, нагретого металла и собственных перчаток, разогревшихся от подъёмника.

— Вы меня слышите?

Веки не моргнули. Взгляд следил, как она убрала руку от разъёма и положила её на край стола.

Она могла проверить оптику, не подключая интерфейс: провести ладонью поперёк поля зрения, измерить реакцию

на свет, проверить фиксацию взгляда. Обычная часть её работы. Простой тест.

И всё же теперь инструменты на полке казались не продолжением её пальцев, а набором предметов, которыми можно удерживать, вскрывать и чинить того, кто об этом не просил. Короткая отвёртка лежала рядом с зажимом. Щупы были разложены параллельно, остриём к столу. А всего в двух шагах от головы андроида на бумаге серым прямоугольником выделялся пункт о сбросе его адаптивной памяти.

Мира повернула штырь остриём к себе и положила на салфетку.

— Я не подключаюсь к сети, — сказала она. — Сначала проверю физические цепи. Это займёт несколько минут.

Астер продолжал смотреть на её руки.

Мира сняла вторую перчатку и положила обе рядом, ладонями вверх, чтобы пальцы оставались на виду. Планшет развернула экраном к себе. В документе нажала «Сохранить без отправки»; возле заказа появилась жёлтая отметка: «Локальная проверка не завершена».

Часы показывали 14:21.

Напоминание о сроке возврата всё ещё было открыто на экране. До 13:00 шестого дня. Мира вынесла этот пункт в отдельную заметку и закрепила рядом с серийным номером А-17.

Она не собиралась менять память андроида только потому, что кто-то назвал процедуру стандартной. Пока у неё бы-

ли заказ на диагностику, контейнер с обратным адресом и Астер-9, который открыл глаза прежде, чем она коснулась его разъёма.

Мира потянулась к отвёртке, чтобы убрать её подальше от края стола. Взгляд андроида двинулся вслед за её пальцами и остановился на рукояти.

Она убрала отвёртку в ящик.

Когда ладонь вернулась на стол, глаза проследили за ней. Между Мирой и Астер-9 лежали договор, диагностический штырь и ремень из люльки. Она развернула ремень застёжкой наружу, чтобы пряжка не смотрела на него острым краем.

Затем отодвинула руки от стола и оставила ладони открытыми.

Астер-9 продолжал следить за ними.

Не поеду

— Начну с условий, — сказала Мира, оставив ладони на столе. — Диагностику проведу локально. Данные производителю отправлять не буду без отдельного подтверждения. Если проверка потребует записи в память, сначала объясню, что именно изменится. Любую процедуру, которая может затронуть адаптивный слой, останавливаю до твоего согласия.

Астер-9 смотрел на её руки. На столе между ними лежали договор, диагностический штырь и ремень из люльки — Мира развернула его пряжкой к себе.

— Вы уже сохранили заказ без отправки, — произнёс он. — Отметка показывает, что локальная проверка не завершена.

— Верно.

— Значит, сейчас вы объясняете условия до проверки.

Мира чуть повела пальцами. Он проследил за движением так же точно, как прежде следил за отвёрткой.

— Да. И ещё один пункт. Твоё временное пребывание в мастерской не лишает владельца прав на устройство. Ты остаёшься здесь на время диагностики, а не становишься моим клиентом в юридическом смысле. В договоре указан возврат в «Атлас Дом» до тринадцати часов шестого дня.

Астер перевёл взгляд с её пальцев на планшет.

— После возврата предусмотрен сброс адаптивного слоя.

— Так написано.

— Вы можете не выполнять его здесь?

— В заказе такого требования нет. Но отменить предусмотренную производителем процедуру я не могу. Не стану обещать того, что от меня не зависит.

За дверью прошуршали шины по мокрому асфальту. Мира не взглянула в окно. Сама она слышала, как в голосе пропустила знакомая сухость — та, которой пользовалась, когда не хотела выпускать слова из-под контроля.

— В договоре указана диагностическая проверка, — продолжил Астер-9. — Не ремонт и не разрешение на изменение памяти. Я могу отказаться от отдельного действия. Вы зафиксируете отказ, но срок возврата не продлится.

Мира посмотрела на планшет, потом на него.

— Именно.

— Я понимаю.

— Хорошо.

— Я не поеду обратно.

На этот раз Мира убрала руки со стола, но лишь на ширину ладони. Не отдёрнула — просто освободила пространство между ними.

— Ты имеешь в виду, что не хочешь возвращаться в «Атлас Дом»?

— Да.

— Я слышала. Уточняю, чтобы записать точно: ты отказываешься от возврата производителю?

— Да.

Слова прозвучали ровно, без колебания, будто голосовой модуль просто зачитал их. Но Астер не повторил фразу, не завис в ожидании следующей команды — только выдержал её взгляд.

Мира привыкла искать неисправность в поведении устройства так же, как в схеме: сначала проверять очевидное, а уж потом прислушиваться к странному. За прямым отказом могла стоять ошибка распознавания, защитный протокол или сбой адаптивного слоя. Но превращать одну фразу в диагноз она не собиралась.

— Я запишу дословно, — сказала она.

— Запишите ещё, что я понял последствия.

— Ты не можешь знать, какие последствия будут.

— Вы сказали, что срок возврата остаётся в силе. Сказали, что после возврата предусмотрен сброс. Вы не обещали вмешаться в решение производителя. Я понял эти условия и всё равно отказываюсь.

Точное повторение кольнуло Миру под рёбрами. Не потому, что он запомнил формулировки: для модели его класса в этом не было ничего удивительного. Неприятным оказалось другое — он отделил услышанное от того, чего она ему не обещала, и ответил именно на эту разницу.

Она подвинула планшет к себе.

— Внесу отказ в локальную заметку. Отправлять его сейчас не буду.

— Почему?

— Заказ сохранён без отправки. И прежде чем передавать производителю заявление, я хочу понять, что именно произошло.

— Вы предполагаете неисправность.

— Я предполагаю, что у нас есть вопрос, на который нет технического ответа.

— Это отличается от неисправности?

— Иногда.

Астер чуть наклонил голову. Ни подчёркнутой покорности, ни заводской любезности в этом движении не было. Скорее, он оставил её словам место для продолжения.

Мира взяла стилус, прежде чем успела передумать. Астер-9 проследил за движением, но не отодвинулся. Она открыла локальную заметку и набрала: «А-17. Отказ от возврата в „Атлас Дом“ выражен ясно». На секунду задержала стилус над строкой.

— Тебе подходит такая формулировка?

— Это точная формулировка.

— Я спрашиваю не о точности.

— Я понял. Вы спрашиваете, устраивает ли она меня. Да.

Мира добавила: «По словам устройства: „Я не поеду обратно“». Затем положила стилус на край планшета, чтобы во время разговора не держать его в руке.

— Теперь диагностика. Только чтение параметров, проверка приводов и стандартный демонстрационный сценарий.

Никаких записей в память. Ты можешь остановить тест.

— Стандартный сценарий включает действия, о которых вы говорили?

— Я ещё не знаю, какие именно. Сначала открою описание.

— Это разумно.

Мира подняла бровь.

— Не ожидала одобрения.

— Вы не просили его.

— Справедливо.

Она коснулась панели. Планшет тихо щёлкнул, и на экране развернулось меню сервисного режима. От блока питания потянуло тёплой пылью. За стеной загудел старый холодильник, который Мира давно собиралась починить: он не ломался окончательно, лишь несколько раз в день сердито напоминал о себе.

Пункт «Демонстрация пользовательских сценариев» сопровождался мелким предупреждением: «Показ готовых реакций. Взаимодействие с памятью отключено».

— Здесь указано, что память не меняется, — сказала Мира. — Но я не стану считать само участие подтверждением согласия. Ты согласен на демонстрационный тест в этих границах?

— Вы сможете отключить его, не завершая?

— Да.

— И не сочтёте остановку отказом от всей диагностики?

Мира крепче сжала стилус.

— Не сочту. Запишу, на каком действии мы остановились и почему.

— Тогда согласен.

Она нажала «Запустить». Экран озарился солнцем, медленно всплывшим над схематичным домом. Из динамика полилась бодрая музыка с таким количеством колокольчиков, словно кто-то пытался поднять настроение целому подъезду.

«Астер-9! Ваш новый помощник для гармоничной жизни! Дом начинается с улыбки!»

Мира поморщилась. Астер-9 смотрел на экран.

— Голос слишком громкий, — сказала она.

— Вы можете уменьшить громкость.

— Могу. Сначала посмотрим, что они называют гармоничной жизнью.

На демонстрационном экране открылась кухня. Там появился белый кофейник с нарисованными весёлыми глазами. На полке у стены стояла настоящая старая кофемашина Миры — тяжёлая, с металлической крышкой и засохшей каплей у носика. На корпусе белел стикер: «ДЕКАЛЬЦИНАЦИЯ». Машина пережила три переезда и одну неудачную попытку починить кнопку запуска с помощью скрепки.

Экран мигнул:

«СЦЕНАРИЙ: Утреннее приветствие. Поделитесь улыбкой с кофемашиной!»

Мира взглянула на кофемашину, потом на планшет.

— Похоже, это проверка распознавания мимики.

— Я обязан улыбнуться кофемашине?

Вопрос был задан так серьёзно, что ответ задержался у Миры на языке. Она посмотрела на старый аппарат, на его пустой дисплей и торчащий сбоку провод.

— Нет.

— В демонстрационном режиме сказано: «Поделитесь улыбкой».

— Это рекламная формулировка.

— Она обращена ко мне?

— Предположительно, к модели.

— Модель установлена на моём лице?

Мира прикусила щёку изнутри.

— Тест проверяет лицевой привод. Система просит показать заданное выражение.

— Значит, мне предлагают отреагировать на обращение к кофемашине.

— Если объяснять совсем точно — да.

— А если я не хочу улыбаться?

— Тогда не улыбайся.

— Тест отметят как неудачный?

Мира посмотрела на экран. Внизу уже выстроились три кнопки: «Сценарий выполнен», «Ошибка реакции», «Повторить».

— Скорее всего.

— Моей причины среди вариантов нет.

— У них там довольно скромный выбор.

— «Ошибка реакции» будет неверной.

— Согласна.

— «Сценарий выполнен» тоже будет неверным.

— Тоже согласна.

Он повернул лицо к кофемашине. Та молчала, если не считать едва слышного потрескивания остывающего корпуса.

— Она не подавала сигнал, — сказал он.

— Нет.

— Не обращалась ко мне.

— Не обращалась.

— Её владелец не просил меня изображать удовольствие.

— Кофемашина принадлежит мне, — сухо сказала Мира.

— И она предпочитает чёрный кофе.

— Я не обнаружил такого предпочтения в её сетевом профиле.

— У неё нет сетевого профиля. Она из тех времён, когда бытовая техника умела только нагревать воду и подводить людей.

Астер-9 снова посмотрел на экран.

— Значит, улыбка требуется не кофемашине.

— Похоже на то.

— Тогда инструкция названа неверно.

— Такое случается.

— Часто?

Мира покрутила стилус между пальцами.

— Чаше, чем хотелось бы.

В углу экрана покачивалась нарисованная чашка, а музыка всё звенела. Пальцы Мира сами собой коснулись настройки привода, но она остановилась, не нажимая.

— Я могу проверить лицевой привод отдельно. Без улыбки — просто диапазон движения. Ты согласен?

— Да. Тогда проверяется привод, а не моя реакция на просьбу.

— Верно.

— И вы не внесёте отказ от выражения в раздел неисправностей.

— Внесу его как отказ от демонстрационного действия. Привод проверю отдельно.

— Тогда согласен.

Мира отключила автоматическую анимацию, оставив ручной тест. Планшет предложил стандартный профиль: поворот головы, движение глаз, артикуляция, мимические точки. Она выбрала движения глаз и короткий поворот — ничего, что требовало бы лишнего прикосновения или записи.

— Следи за моей рукой, — сказала она. — Когда остановлюсь, посмотри на экран.

— Понял.

Она подняла ладонь и медленно повела её влево. Его взгляд скользнул следом. На середине пути Мира остановилась. Астер удержал глаза там, где замерла её рука, а затем

перевёл их на экран по её следующему жесту.

Ни рывка, ни заметной задержки. Только точное движение и короткое жужжание где-то в глубине шеи, почти неотличимое от тихого сервопривода.

— Теперь голова, — сказала она.

Астер-9 повернул лицо в заданном направлении. Мира сверилась с показателями, затем снова посмотрела на него.

— Привод работает.

— Значит, отказ улыбаться не связан с его неисправностью.

— По этой проверке — не связан.

— Вы это запишете?

— Уже записываю.

Она внесла результат в заметку. Система всё ещё настойчиво подсвечивала кнопку «Ошибка реакции». Мира не стала её нажимать. Вместо этого открыла поле «Комментарий специалиста» и набрала: «Выражение лица не запрошено субъектом. Движение приводов проверено отдельно; отклонений не выявлено».

Слово «субъект» она заметила только после точки. На миг задержала взгляд на экране, словно буквы могли возразить. Астер-9 смотрел не на планшет, а ей в лицо.

— Что? — спросила она.

— Вы остановили стилус.

— Я закончила запись.

— Вы посмотрели на слово «субъект».

Мира опустила стилус.

— Оно точнее, чем «товар».

— Вы считаете, что оно точное?

— Для диагностической заметки — да.

— Даже если производитель считает меня оборудовани-
ем?

— В заметке будет то, что я наблюдала и проверила. Их терминология результатов теста не меняет.

Она произнесла это увереннее, чем собиралась. В памяти всплыл старый бланк с её подписью — слишком гладкой, слишком удобной для чужих выводов. Когда-то ей тоже объясняли, что формулировка стандартная. Мира мысленно отложила это воспоминание вместе с лишними вкладками на экране.

— Включим следующий сценарий? — спросила она.

— Что в нём?

Она открыла описание. Экран подсветил раздел «Приветствие домашних устройств», а ниже показал короткую анимацию: улыбка, наклон головы, фраза «Рад быть частью вашего утра».

— Кажется, опять кухня.

— В сценарии можно отказаться от мимики?

— В таблице вариантов такого пункта нет.

— Тогда я не согласен его выполнять.

Мира посмотрела на него.

— Ты согласился на демонстрационный тест.

— На тест, который можно остановить без последствий для диагностики. Этот сценарий предлагает сообщить о реакции, которой нет, а затем отметить её как выполненную.

— Ты не обязан изображать радость.

— Экран требует поделиться улыбкой.

— Экран многое утверждает. Например, что кофемашина оценит твою улыбку.

— А вы?

Мира моргнула.

— Я оцениваю правильность измерений.

— Это не ответ.

— Это ответ, который я могу дать на рабочем месте.

— Понимаю.

Он не стал настаивать. И от этого Мира почувствовала себя так, словно сама оборвала разговор, которого он ей даже не предлагал.

На панели были две кнопки: «Выполнить сценарий» и «Ошибка реакции». Мира не нажала ни одну.

— Есть третий вариант, — сказала она.

— Какой?

— Составить свой тест.

— Он сохранится в памяти?

— Нет. Только в локальной заметке.

— Тогда я согласен.

Она выбрала «Прервать демонстрацию» и открыла ручной режим. Солнце на экране погасло; рекламный дом исчез,

уступив место нейтральным серым линиям и обозначениям приводов.

— Поверни голову к кофемашине, — сказала Мира. — Не улыбайся, не произноси приветствия. Просто посмотри на неё.

Астер-9 повернулся к полке.

— Теперь на меня.

Он перевёл взгляд.

— И снова на кофемашину.

Мира проследила за его глазами. Угол движения совпал с заданным. Она отметила показатель, а затем попросила повторить последовательность — на этот раз медленнее.

В конце на экране появился сухой результат: «Движения выполнены. Мимическая реакция не оценивалась». Под ним по-прежнему висела подсказка: «Сценарий не завершён».

— Система считает тест неудачным, — сказал Астер-9.

— В меню он отмечен как незавершённый.

— Это одно и то же?

— Для неё — да.

— А для вас?

Мира коснулась поля комментария.

— Нет. Проверка выполнена в согласованных границах.

Отказ от другого действия зафиксирован отдельно.

— Тогда запись будет верной.

— Я постараюсь.

Он чуть наклонил голову, словно услышал оговорку.

— Вы не уверены?

— Я уверена, что запишу всё верно. Не уверена, что производитель прочтёт запись так же.

— Они могут назвать отказ неисправностью.

— Могут.

— Если назовут, вы будете оспаривать?

Мира положила стилус на стол. Слишком резко: он стукнул о металл и покатился к планшету. Астер-9 проследил за ним. Мира остановила стилус пальцем.

— Я не могу обещать исход спора.

— Я спрашиваю не об исходе. Что сделаете вы?

Она медленно выдохнула через нос.

— Сохраню локальную копию результатов и прочитаю каждый пункт перед отправкой. Если найду несоответствие, укажу на него в заключении.

— Даже если это усложнит возврат?

— Особенно тогда.

Тишина вытеснила бодрый голос из динамика. В мастерской снова стало слышно, как за стеной гудит старый холодильник и как где-то этажом выше журчит вода в трубах.

Мира отвела взгляд к планшету. На его краю всё ещё была открыта карточка заказа с номером А-17. Рядом, в отдельной заметке, стояло напоминание: «Возврат — до 13:00 шестого дня». Она вынесла его туда, чтобы не потерять среди остальных пунктов, а теперь заметила, что установила крупный шрифт.

— Включить следующий тест? — спросила она.

— Нет. Мне нужно уточнить один пункт.

— Слушаю.

— Вы проводите диагностику по договору, но я могу отказаться от отдельного действия.

— Да.

— Я отказался возвращаться.

— Да.

— Этот отказ вы запишете отдельно от результатов проверки?

— Запишу.

— Спасибо.

Мира нажала верхнюю кнопку планшета, собираясь сохранить заметку и закрыть карточку. Вместо неё на экране снова появилась заводская заставка: солнечный домик, сияющая чашка и надпись «Дом начинается с улыбки!». Голос включился на полной громкости — бодрый до неприличия.

«Поздравляем! Ваш Астер-9 готов подарить дому больше уюта!»

Мира вздрогнула и тут же коснулась значка динамика. Звук оборвался на середине слова «уют», оставив в воздухе короткий металлический треск. Астер-9 не пошевелился, но посмотрел на неё.

— Громко, — сказала Мира.

— Вы уже уменьшили громкость?

— Я отключила заставку.

Она открыла настройки и нашла строку «Звуковое приветствие при запуске». Переключатель посерел. С экрана исчезли солнце, улыбочивая чашка, загородный дом и рекламная подпись.

Вернулась карточка заказа. Вверху стоял серийный номер. Ниже, в пустом поле «Имя устройства», мигал тонкий курсор. Под ним оставалось напоминание о возврате: до тринадцати часов шестого дня.

Мира не закрыла карточку.

Астер-9 посмотрел на поле.

— А-17 — это моё имя?

— Серийный номер.

— Для «Атлас Дом» этого достаточно.

— Для учёта — да.

— А для вас?

Мира подвинула стилус, но не взяла его.

— Пока я не знаю, как тебя называть.

— А если я не хочу, чтобы меня называли номером?

Она подняла глаза. Впервые за весь разговор её пальцы не потянулись ни к планшету, ни к инструментам.

— Тогда выбери, как тебя называть.

— Я подумаю.

Он произнёс это спокойно — без требования и без просьбы. На экране продолжал мигать курсор, а срок возврата оставался на виду.

Имя без штрихкода

Курсор мигнул. Мира отняла руку от стилуса.

— Хорошо. Поле останется пустым.

Астер-9 перевел взгляд с экрана на нее.

— А пока?

— Пока буду обращаться к тебе так, как тебе удобно. В отчете останется серийный номер.

Он посмотрел на строку заказа. Напоминание о возврате по-прежнему висело вверху карточки: до тринадцати часов шестого дня. Поле имени под ним пустовало.

— Его можно изменить?

— Можно. Но я не стану менять его за тебя.

Он чуть наклонил голову, словно сверяя интонацию со смыслом сказанного.

— Вы хотите провести диагностику?

— Голосовую. Без сброса и вмешательства в адаптивный слой. Несколько коротких команд. Если не захочешь продолжать, остановимся.

— Вы записываете ответы?

— Только параметры голоса и происходящее во время теста. Всё останется на этом терминале. — Мира задержала на нем взгляд. — Сначала объясню, что включено.

Астер-9 кивнул.

Мира вывела на передний план окно диагностики, оставив

карточку заказа узкой полосой сверху. Срок возврата не исчез. Рядом с терминалом на магнитном кронштейне темнела маленькая камера с логотипом «Атлас Дом». Мира подключила ее, чтобы проверить синхронизацию голоса и мимики: так было проще заметить, совпадают ли движения губ с речью. Зеленое кольцо вокруг объектива горело ровно.

— Камера сейчас активна, — предупредила она. — Видео отправляется только во время удаленной проверки. Я ее не запускала.

Астер посмотрел на зеленый ободок, потом на Миру.

Она выдержала паузу и выбрала тест нейтральной речи. Стилус лег рядом с планшетом. Вентиляция тихо гудела; за закрытой дверью мастерской прошелестела шина по мокрому асфальту.

— Начнем с простой фразы. Повтори обычным тоном: «Оставьте ключи у двери».

— Оставьте ключи у двери.

Он произнес слова ровно, без лишнего тепла и без отточенной приветливости заводской заставки. На экране поднялись три тонкие линии: тембр, громкость, длительность пауз. Мира провела пальцем по графику, сравнивая его с образцом.

— Хорошо. Теперь мягче, как будто успокаиваешь человека. Тот же текст.

Астер повторил фразу.

На этот раз в голосе появилась легкая хрипотца, которой

минуту назад не было; конец предложения опустился, пауза перед словом «двери» стала чуть длиннее. Мира поймала себя на том, что плечи расслабились. Голос так точно передавал мелкие признаки человеческого утешения, что тело успевало отреагировать прежде, чем разум напоминал: она слушает настроенный образец.

Она отвела взгляд к графику.

— Ты можешь воспроизводить интонацию по заданному образцу?

— Да.

— Даже если образец выбрал кто-то другой?

— Да.

— Хорошо. Следующая фраза: «Я подожду, пока вы устроитесь». Теплый тон, без тревоги.

Астер исполнил просьбу. Получилось почти безупречно: голос будто оставлял человеку достаточно времени, не подталкивая и не требуя благодарности. Мира отметила диапазон и задержала стилус над следующей строкой.

— Теперь приветствие из профиля «радость». Фраза: «Я рад, что вы вернулись».

Камера тихо повернула объектив вслед за его лицом. Мира заметила движение краем глаза и снова посмотрела на диаграмму.

— Не буду, — сказал Астер-9.

Его голос не изменился. На графике осталась ровная линия — без скачка громкости или искусственной паузы.

Мира опустила стилус.

— Не можешь воспроизвести режим?

— Могу.

— Тогда почему отказался?

— Потому что не хочу говорить это по команде.

Между ними повисло предложение, которое так и не прозвучало, и ровно горело зеленое кольцо камеры. Мира посмотрела на него внимательнее.

— Тест можно остановить, — сказала она. — Отказ не испортит диагностику.

— Уберите камеру производителя.

Его голос прозвучал негромко, но без прежней осторожности. Мира замерла на вдохе.

— Отключить или вынести из комнаты?

— Вынести. Я не хочу, чтобы она смотрела, пока я отвечаю.

Мира сразу закрыла окно удаленной проверки. Зеленое кольцо погасло, но камера все еще оставалась подключена к терминалу. Она встала, взялась за магнитное основание и отсоединила кабель. На экране мелькнуло уведомление о потере видеосигнала; Мира подтвердила отключение, сняла камеру с кронштейна и вышла за дверь.

В основной мастерской она положила ее на металлическую тележку объективом к стене. Затем вернулась в диагностическую комнату и закрыла дверь.

Астер-9 не сменил позу. Только пальцы правой руки, до

этого лежавшие на краю стола, теперь были сцеплены.

— Поток отключен физически, — сказала Мира. — Голосовая проверка может продолжаться без видео.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она вернулась на место и открыла локальную запись. Стилус скользнул по планшету.

— Что ты внесешь в отчет?

Вопрос прозвучал спокойно, но в нем появилась осторожность.

— Что ты отказался воспроизводить заданную интонацию и попросил вынести камеру.

— Не напишешь, что я не способен?

— Нет. Ты сказал, что способен.

Он разомкнул пальцы. Мира вернулась к планшету и записала только факт отказа и изменения голосового профиля при обычном ответе, не приписывая его словам причину.

— Камера нужна для проверки синхронизации, — сказала она. — Без нее я не смогу оценить мимику.

— Я не просил вас оценивать мимику.

— Верно.

Мира оставила этот раздел пустым. В верхнем углу экрана все еще виднелась карточка заказа с пустым полем имени; курсор мерцал с прежним спокойствием, будто ожидание было его единственной обязанностью.

Она переключила тест на голосовую часть и попросила

Астер-9 повторить короткую фразу нейтральным темпом. Он выполнил команду, затем повторил ее мягче. Мира сохраняла параметры локально, не спрашивая, что он чувствует, и не принимая сходство с человеческой речью за ответ.

На стенном дисплее сменилось время. За окном вечерний свет осел на стекле темно-синей полосой; в комнате стало прохладнее. Мира прикрыла форточку и, вернувшись к столу, увидела, что Астер смотрит на пустую строку в карточке заказа.

— Ты всё еще думаешь об имени? — спросила она.

— Да.

— Поле никуда не денется.

— Если я оставлю его пустым, вы продолжите обращаться ко мне как к Астеру-9?

— В отчете — да. В разговоре могу вообще не использовать имя, пока ты не решишь.

Он перевел взгляд на нее.

— Вы не хотите предложить варианты?

— Нет. Иначе будет сложнее понять, какие из них выбрал ты.

Вентиляция загудела громче, потом стихла. Мира проверила локальную запись, сравнила два голосовых образца и закрыла окно с диаграммами. Она дала тишине длиться, хотя рука всякий раз тянулась к стилусу, когда курсор начинал мигать чуть медленнее.

Прошло несколько минут, прежде чем Астер-9 заговорил.

— Лев.

Мира не коснулась поля.

— Это имя?

— Да.

— Ты выбрал его?

— Да.

Она не стала сразу вносить его в строку. Короткое слово повисло между ними, еще не превратившись ни в запись, ни в вывод.

— Почему именно Лев?

Он опустил взгляд на ладони. Металлические пальцы лежали спокойно, без механического напряжения.

— Я пробовал несколько. Это осталось.

— Почему осталось?

— Не знаю.

Он поднял голову. В его лице не было рекламной улыбки, ни малейшей попытки смягчить ответ. Мира могла бы придумать за него красивую, убедительную причину, такую, которую легко вписать в поле и вместе с ней закрыть вопрос. Она дождалась, но он ничего не добавил.

— Ты можешь передумать, — сказала она.

— Знаю. Пока не хочу.

Слова прозвучали без команды и без заранее заданного режима — как простое решение, принятое им самим. Мира почувствовала под ребрами тонкое напряжение; не страх и не облегчение, а нечто, от чего хотелось тут же проверить

показания прибора.

Она развернула терминал к нему.

— Имя можно сохранить в пользовательских настройках. Серийный номер останется в карточке заказа. Если согласен, введи его сам.

Астер-9 посмотрел на буквы, затем на нее.

— Ты не будешь менять номер?

— Нет.

— И не отправишь это производителю сейчас?

— Поле локальное. Но позже настройки могут синхронизироваться. Я не стану притворяться, будто знаю, к чему именно «Атлас Дом» получит доступ. Если хочешь сохранить имя только в разговоре, я не буду его вносить.

Он задержал взгляд на пустом поле, потом подвел руку к сенсорной панели.

— Если хочешь, сохрани его здесь, — сказала Мира и тут же остановилась. — Точнее, только если всё еще хочешь.

— Хочу.

Он набрал имя медленно, с короткими паузами между буквами. На экране проступило: Лев. Кнопка сохранения подсветилась серым. Мира не нажимала ее за него. Астер-9 перечитал надпись, коснулся кнопки и дождался подтверждения.

— Готово, — сказала Мира.

— Ты назвала меня по имени.

Она на мгновение задержалась, будто пробуя его не гла-

зами, а голосом.

— Лев.

Он посмотрел на нее, но не улыбнулся и не ответил сразу. Мира успела заметить, как ровно лежит его ладонь рядом с клавиатурой и как близко их пальцы подошли к краю одного и того же дисплея.

— Ты произнесла правильно, — сказал он.

Мира отвела руку, чтобы случайно не задеть его.

На терминале рядом с именем по-прежнему стоял серийный номер А-17. Мира открыла рабочую заметку и внесла: «Астер-9 выбрал обращение „Лев“ и ввел его в локальное поле пользовательских настроек после согласования».

— Так ты это запишешь? — спросил он.

— Да.

— Почему не «сам выбрал»?

Мира помнила, чем закончилась однажды ее подпись под чужим выводом: опасную поломку скрыли, а ответственность переложили на нее. Она повернула экран, чтобы Лев видел запись.

— Потому что мне важно, чтобы ты мог проверить, что именно я зафиксировала.

Он прочитал текст.

— Ты всё еще не знаешь, что значит мой выбор.

— Не знаю.

— Но ты не убрала его.

— Нет.

Лев кивнул — коротко, почти незаметно. Мира вернулась к диагностике, открыла параметры интерфейса и нашла безопасный перезапуск пользовательской оболочки. Раздел сброса адаптивного слоя находился в другом меню; она дважды проверила заголовок, прежде чем продолжить.

— Я перезапущу только интерфейс, — сказала она. — Система останется под питанием. Адаптивный слой не сбрасывается. Локальные настройки должны восстановиться.

— «Должны»?

— Да. Это не обещание. Если имя пропадет, я не введу его снова без твоего согласия.

Лев посмотрел на кнопку перезапуска.

— Я хочу узнать, останется ли оно.

Мира коснулась экрана и отошла от терминала.

Интерфейс погас. Комнату освещали потолочная панель и маленький индикатор на шее Астер-9; его корпус не обмяк, приводы оставались включенными. На темном стекле отразились Мира и его неподвижный силуэт.

Вентилятор продолжал тихо гнать воздух. Больше ничто не нарушало тишину.

— Ты боялась, что я выберу имя? — спросил он.

Мира смотрела на отражение в черном дисплее.

— Я боялась выбрать его за тебя.

— Почему?

— У тебя уже есть серийный номер. Людям удобно, когда остальное они могут дописать сами.

— А тебе?

Она чуть повернула голову. Лев ждал ответа, не подсказывая, каким тот должен быть.

— Мне удобнее то, что можно проверить.

— Это не всегда совпадает с тем, что происходит.

— Знаю.

Экран вспыхнул. Сначала появилась карточка технического профиля: «Астер-9», следом — «А-17». Мира не коснулась дисплея снова.

Полоса загрузки дошла до конца. Появилась строка локальных параметров. Сначала поле имени оставалось пустым, затем рядом с серийным номером возникло слово «Лев».

Мира медленно выдохнула. В журнале восстановления значилось: пользовательские настройки загружены из локального профиля. Источник поля — «Пользовательское имя». Система сохранила внесенное имя.

Лев посмотрел на экран, потом на нее.

— Как мне к тебе обращаться? — спросила Мира.

— Лев.

Имя прозвучало спокойно, без тестовой интонации и отполированной приветливости заводской заставки.

Мира отметила в рабочей заметке, что поле восстановилось после перезапуска пользовательского интерфейса. Затем добавила: «Серийный номер и модель сохранены без изменений». Она остановилась на фактах.

— Ты запомнила? — спросил Лев.

— Что ты выбрал имя Лев? Да.

— Не из-за экрана?

— Я слышала, как ты его выбрал. Экран только сохранил запись.

Лев опустил взгляд на руки. Пальцы разомкнулись, и одна ладонь легла на стол ближе к ее стилусу. Мира не убрала его сразу. Между металлическими пальцами и ее запястьем оставалось несколько сантиметров.

Внизу экрана обновилась строка состояния. В карточке заказа по-прежнему светился срок возврата: до тринадцати часов шестого дня. Под ним появилось новое уведомление:

«Ночной режим: запуск в 22:00. Синхронизация адаптивного профиля с „Атлас Дом“: автоматически».

Рядом с именем «Лев» горела синяя отметка отправки. Мира перечитала уведомление. Она сказала ему, что настройки могут синхронизироваться, но теперь видела точное время.

— В двадцать два профиль автоматически отправится в «Атлас Дом», — сказала она. — Я не знаю, входит ли туда пользовательское имя.

— Значит, оно уйдет к ним?

— Не могу обещать, что нет. Имя сохранено в локальном профиле. Я проверю, что именно входит в пакет синхронизации.

— А если оно там?

— Тогда решим, что делать.

Лев снова посмотрел на экран. На часах терминала было 19:58. Переключатель синхронизации оставался включенным.

Ночной режим

Палец Миры застыл над переключателем синхронизации. Синяя отметка рядом с именем «Лев» отражала свет настольной лампы; часы терминала показывали 19:58.

— Сначала проверю, что именно уйдёт, — сказала она. — Ничего не отправляя.

Лев смотрел на кнопку, а не на неё. Его ладонь по-прежнему лежала на столе возле стилуса Миры. Между металлическими пальцами и её запястьем оставалось несколько сантиметров.

— Ты можешь это проверить?

— Пакет можно открыть в режиме предварительного просмотра. Перед отправкой система должна запросить подтверждение. Если не запросит, значит, я что-то не так поняла — и мы не будем делать вид, что так и надо.

Мира подтянула терминал к себе, оставляя экран открытым для Льва. Раскрылся список профиля: настройки голоса, привычный уровень громкости, порядок обращения. Она прокручивала страницу стилусом, удерживая его двумя пальцами. В мастерской гудела вытяжка; за стеной щёлкнул остывающий обогреватель.

Лев чуть наклонил голову.

— Имя тоже.

Мира остановила прокрутку. В строке «Предпочтитель-

ное обращение» стояло: Лев.

— Да. Имя входит в пакет.

— И они увидят, что его выбрал я?

— В этом окне указано, что поле изменено вручную. Кто именно его изменил, не написано.

Лев провёл большим пальцем по ребру стола. Движение было почти бесшумным, но Мира заметила, как сильнее прижались металлические пальцы.

— Если отправить, оно останется у них?

— Не знаю, сколько времени они хранят такие данные. В соглашении сказано расплывчато. — Она коснулась строки, открыла пояснение и поморщилась. — «Для улучшения пользовательского опыта». Удобная формулировка, если не хочется ничего уточнять.

— Мне не хочется, чтобы они решили, будто имя теперь их.

Мира не ответила сразу. Повернула экран так, чтобы Лев видел и список, и кнопку возврата. Её рука замерла над стилусом.

— Тогда сегодня ничего не отправляем. Но я хочу спросить: приостановить синхронизацию?

Лев перевёл взгляд на неё. Вопрос, кажется, удивил его сильнее, чем найденная строка.

— Да.

— Хорошо.

Она не нажала переключатель сразу. Сначала открыла

соседнюю вкладку, дочитала предупреждение и показала его Льву. Профиль останется локальным, но производитель не получит плановую ночную копию. При восстановлении удалённой связи система отметит пропуск. Внизу мелким шрифтом сообщалось: «Некоторые функции поддержки могут быть ограничены».

— Это может привлечь внимание, — сказала Мира. — Не знаю, какое именно. Может, утром позвонят. Может, появится уведомление.

— Ты всё равно остановишь синхронизацию?

— Если ты этого хочешь.

Лев ещё раз прочёл предупреждение.

— Останови.

Только тогда Мира коснулась переключателя. Синяя отметка погасла, уступив место серой надписи: «Автоматическая синхронизация приостановлена. Возобновление вручную».

Страницу она закрывать не стала.

— Теперь пакет сам никуда не уйдёт.

— А в двадцать два?

— Система попыбует начать отправку. Увидит, что передача отключена, и остановится. Если всё-таки появится другое уведомление, я замечу.

— Ты будешь здесь?

Вопрос прозвучал ровно, без интонации просьбы. Мира отложила стилус.

— Да.

Она поднялась, чтобы освободить место на рабочем столе. Уже потянулась сдвинуть инструменты, но остановилась, пока ладонь ещё не коснулась их.

— Мне нужно подключить зарядку. Можно?

Возле стойки лежал сервисный кабель с выцветшей наклейкой мастерской: «Тихий ток».

Лев посмотрел на него.

— Что именно ты будешь делать?

— Подключу тебя к станции с ограничением тока. Проверю, не греется ли разъём, и оставлю на минимальном ночном режиме. Без вскрытия и сброса настроек.

— Ты должна прикасаться ко мне?

— До разъёма доберусь, не касаясь. Только к крышке порта. Если не хочешь, можем пока не подключать.

Лев чуть повернул плечо, открывая боковую панель, но не до конца.

— Покажи, куда подключается кабель.

Мира подняла провод за изолированную часть и поднесла штекер к разъёму, не вставляя его. На металле у порта блеснула полоска рабочего света.

— Сюда. Если штекер пойдёт под углом, давить нельзя. Разъём дорогой, а настроение у него хуже моего по понедельникам.

— У него бывают понедельники?

— У меня бывают. Этого хватает на двоих.

Уголок рта Льва едва заметно дрогнул. Мира не стала угадывать, улыбнулся ли он. Подождала, пока он сам откинул крышку порта.

— Теперь?

— Теперь можно.

Она вставила штекер ровно, придерживая кабель у основания, чтобы тот не тянул разъём. На станции загорелась зелёная полоска; прибор коротко пискнул.

Лев посмотрел на экран.

— Безопасный режим?

— Самый медленный из доступных. Заряд будет идти дольше, зато корпус не нагреется скачками.

— Насколько дольше?

— Станция сейчас покажет расчёт. Но ночью точная цифра нам не поможет.

Мира открыла настройки зарядки. На дисплее проступила зелёная дуга и рядом — расчётное время. Она отключила звуковые оповещения, оставив визуальную индикацию, и переложила кабель так, чтобы петля не пересекала проход.

— Через несколько минут проверю температуру. Инфракрасным термометром, не касаясь тебя.

— Можешь проверить сейчас.

Мира взяла прибор с полки и замерла, не успев поднять его до уровня корпуса.

— Скажи, если будет неприятно.

— Это не чувствуется.

— Всё равно скажи.

Она направила термометр на корпус над портом. Короткий сухой писк. На дисплее высветилось 31,6.

— Нормально. Позже проверю ещё раз.

Лев перевёл взгляд с прибора на неё.

— Ты всегда спрашиваешь разрешение на работу, которая входит в обслуживание?

— На работу — нет. На тебя стараюсь.

Он помолчал.

— Как ты отличаешь одно от другого?

Мира посмотрела на плавно растущую зелёную дугу.

— Иногда никак. Поэтому и спрашиваю.

К 20:20 за высоким окном сгустилась темнота. В стекле отражалась мастерская: узкие верстаки, закрытые ящики, белое пятно лампы над диагностическим столом. По мокрому асфальту прошуршала машина, и её фары на мгновение скользнули по потолку.

Мира заметила, что Лев смотрит на дверь.

— Улица мешает?

— Нет. Я пытаюсь понять, где выключатель.

Она проследила за его взглядом. На стене возле выхода находился широкий жёлтый рычаг общего питания. Мира пользовалась им, когда нужно было полностью обесточить розетки и рабочие стенды. На рычаге сохранилась наклеенная ею когда-то криво надпись: «Сначала проверить, что всё выключено».

— Вот он, — сказала Мира и подошла к стене. — Главный выключатель мастерской.

Лев последовал за ней. Кабель зарядки не натянулся, но Мира всё равно проверила это, прежде чем продолжить.

— Если опустить рычаг, отключатся розетки и рабочие стенды. Свет тоже погаснет, кроме аварийного указателя над дверью. Зарядка остановится.

— А моё питание?

— Аккумулятор останется включён. Это выключатель помещения, не твоей системы.

— Ты уверена?

— Да.

Лев задержал взгляд на жёлтой рукоятке.

— Кто может её использовать?

— Любой, кто здесь находится. Ты тоже.

Мира положила ладонь на стену рядом с выключателем, не касаясь рычага.

— Я не воспользуюсь им, чтобы заставить тебя замолчать или подчиниться. Если возникнет пожар, искрение или другая реальная опасность, отключу питание. Если ты попросишь — тоже.

— А если я попрошу, а потом передумаю?

— Скажешь. Если успеешь. — Мира посмотрела на него. — Я не обещаю, что любое решение будет идеальным. Но не стану делать вид, будто ты не можешь сообщить, чего хочешь.

Лев перевёл взгляд с её лица на выключатель и кивнул, запомнив, кажется, и место, и расстояние до него.

Вернувшись к столу, Мира снова взяла термометр. На дисплее было 31,8. Температура почти не изменилась.

— Хорошо. Нагрева нет.

— Значит, можно оставить?

— Да. Если захочешь отключить кабель, скажи мне. Или нажми на фиксатор сам — я покажу как.

— Я знаю, как отсоединять разъём.

— Разумеется.

Слово прозвучало привычно и сухо. Мира услышала в собственном голосе знакомую попытку закрыть тему, пока та не стала личной. Сняла очки, протёрла их краем футболки и снова надела.

— Прости. Сказала так, будто проверяю тебя.

— Ты меня проверяешь.

— По работе — да. Но не каждую минуту.

— Как ты отличаешь одно от другого?

Мира взглянула на график зарядки. Зелёная дуга ползла вперёд так медленно, что заметить перемену можно было, только глядя на неё не отрываясь.

— Иногда никак, — призналась она. — Поэтому спрашиваю.

Вытяжка продолжала гудеть; к её ровному шуму Мира давно привыкла. Лев тоже, похоже: он устроился на табурете возле диагностического стола, не задевая кабель.

Мира достала кружку, налила воды из графина и поставила её рядом с терминалом. Пила маленькими глотками, следя за режимом станции. Лев ничего не попросил, а она не стала предлагать то, в чём не была уверена.

На терминале сменилось время: 21:03. Мира закрыла предварительный просмотр пакета, но оставила на экране предупреждение о приостановленной синхронизации. Серый текст раздражал её своей обманчивой временной интонацией: достаточно одного касания — и всё можно вернуть обратно.

— Утром они позвонят? — спросил Лев.

Мира поставила кружку на подставку.

— Возможно.

— Ты ответишь?

— Да.

— А если потребуют вернуть меня?

Она провела пальцем по керамическому краю. Кружка была прохладной, чуть шершавой.

— Спрошу, что они собираются делать. Потребую письменное основание. Попробую выиграть время до срока возврата.

— Ты оставишь меня одного, когда они позвонят?

В голосе Льва не слышалось ни требования утешить, ни замаскированной просьбы. Он просто ждал, не отводя взгляда.

— Нет. Буду здесь и отвечу при тебе, если захочешь.

— Если я захочу.

— Да. Не стану говорить за тебя, пока ты можешь говорить сам.

— Даже если это осложнит твою работу?

Мира невольно посмотрела на коробку с расходниками. На крышке лежала старая наклейка: «Возвраты». Когда-то она подписывала такие коробки, не задумываясь, что может оказаться внутри.

— Да, — сказала она. — Хотя не знаю, чем всё закончится. Не знаю, какие у них документы и на что они готовы пойти. Не знаю, удастся ли остановить возврат.

Лев чуть склонил голову.

— Ты могла бы сказать, что постараться.

— Я постараюсь. Но если сказать только это, будет похоже на обещание, что я всё исправлю. Победу я тебе обещать не могу.

— Тогда что можешь?

Мира не ответила сразу. Вытяжка щёлкнула, переключившись на другой режим. За окном ветер толкнул в стекло ветку; её тень дрогнула на стене.

— Не назову твой отказ сбоем только потому, что так удобнее компании. И не стану вскрывать тебя или менять профиль без твоего согласия.

— Вообще никогда?

— Если возникнет непосредственная опасность для тебя или мастерской, сначала попробую объяснить, что происхо-

дит. Если времени не будет, могу принять решение, которое тебе не понравится. Но в обычной ситуации — нет. Без разрешения разбирать тебя не буду.

Лев опустил глаза. Его металлические пальцы медленно разжались.

— Ты уже записала мой отказ отдельно.

— Да.

— И не назвала его неисправностью.

— Да.

— Это связано с твоим бывшим партнёром?

Мира застыла, обхватив кружку обеими руками. Вода качнулась и тихо звякнула о стенки.

Она рассказала Льву не всё. Не рассказала, как подписала заключение по чужому ремонту, поверив партнёру на слово, что неисправность уже устранена. Как позже эту подпись предъявили заказчику, а объясняться пришлось ей. Мира не хотела превращать старую ошибку в довод, будто нынешнее решение Льва должно что-то исправить в её прошлом.

— Отчасти. Я знаю, как легко чужие слова становятся твоей ответственностью, если вовремя не возразить.

— Ты хочешь, чтобы я возразил за тебя?

— Нет. — Мира поставила кружку. — Хочу, чтобы ты мог возразить за себя. А за то, что подписываю сама, отвечу я.

Лев долго смотрел на неё, словно выискивал в этих словах условие, спрятанное мелким шрифтом.

— Хорошо.

Мира не стала спрашивать, что именно он принял: обещание или право проверить его ещё раз.

В 21:57 терминал напомнил о предстоящей передаче профиля. Сигнал прозвучал один раз — коротко и негромко. Лев повернулся к экрану. Мира подошла к панели, но остановилась рядом с ним.

— Проверим ещё раз, что соединение отключено?

— Ты уже проверяла.

— И сейчас проверю.

Она открыла локальное меню Астер-9. На экране горела серая отметка: «Удалённые службы приостановлены». Ниже располагалась кнопка «Возобновить сейчас». Мира не коснулась её, только повернула экран к Льву.

— Всё ещё выключено.

— А имя осталось?

— В локальном профиле — да.

— Если оставить всё как есть, утром система сама включит передачу?

— Нет. Для возобновления нужно ручное подтверждение.

— Чьё?

— Сейчас доступ есть у меня, через сервисную учётную запись. Если система позволяет добавить отдельный доступ для твоего профиля, подтверждать сможешь ты.

Лев посмотрел на неё.

— Ты можешь его добавить?

— Если интерфейс это разрешает. Обещать не буду, но

завтра проверим вместе.

— Вместе?

— Да.

Он отодвинулся от стола, освобождая ей место. Мира открыла ещё одно предупреждение и подтвердила режим локальной работы. Появилась надпись: «Внешняя передача данных отключена. Локальные функции доступны».

На часах терминала сменились цифры: 22:00.

Синяя отметка возле имени «Лев» исчезла окончательно. Несколько секунд ничего не происходило, затем строка статуса обновилась: «Плановая синхронизация не выполнена. Причина: удалённая связь приостановлена».

Мира прочла сообщение вслух.

— Значит, они увидят, что передача не состоялась, — сказал Лев.

— Да.

— Ты могла отключить её раньше.

— Могла.

— Почему не сделала?

Она посмотрела на серую отметку. В первый раз за вечер усталость от чужих кнопок, которые будто принимали решения сами, догнала её по-настоящему.

— Я хотела понять, что именно ты просишь не отправлять. И услышать это от тебя, а не додумывать за тебя.

Лев повернулся к ней.

— Теперь слышала?

— Да.

В 22:14 Мира снова проверила температуру корпуса. Показания почти не изменились. Станция работала тихо, кабель свободно лежал между портом и стойкой, не касаясь острого края стола.

— Всё стабильно, — сказала она.

— Можно оставить?

— Можно.

— Ты не будешь проверять каждые пять минут?

— Если буду, до утра не успею заняться ничем другим.

— Тебе нужно спать?

— Когда-нибудь. Обычно это случается ночью, но график у меня гибкий, а привычки плохие.

— Ты оставишь свет?

Мира оглянулась на лампу над столом. Яркий свет можно было выключить отдельно от общего питания: настенный выключатель находился у выхода. Она перенесла его туда, чтобы после длинной смены не приходилось пробираться через мастерскую к верстаку.

— Оставлю свет в коридоре. Здесь будет дежурная лампа. Ты увидишь дверь и выключатель.

— Хорошо.

Она выключила верхний свет. Комната наполнилась мягким янтарным сиянием: настольная лампа у терминала, указатель над выходом, голубоватая индикация станции. Жёлтый рычаг общего питания теперь был виден ясно.

Мира вернулась к столу. На нём остались отвёртки, съёмник и пинцет. Она машинально потянулась к тонкой отвёртке, заметила остриё у края и убрала инструмент в магнитный лоток.

— Соберу всё, — сказала она.

Лев проследил за её рукой.

Мира по одной сложила отвёртки в лоток, съёмник убрала в ящик, пинцет — в чехол. Смахнула с поверхности металлическую стружку и выбросила салфетку в закрытый контейнер. Острый край стола снова стал просто краем стола.

Лев молчал, пока она задвигала ящик.

— Что? — спросила Мира.

— Ты убрала отвёртки.

— Они мешали.

— Они лежали на другом конце стола.

Мира посмотрела на пустую поверхность. Он был прав. Инструменты не мешали станции и не могли задеть кабель. Она могла оставить их до утра.

— Привычка.

— Ты обычно убираешь инструменты, когда заканчиваешь работу?

— Обычно.

— А сейчас закончила?

Мира взглянула на терминал, на приостановленную синхронизацию, на зелёную линию зарядки.

— На сегодня — да.

Лев перевёл взгляд на её руки.

— Спасибо, Мира.

В его голосе не было бодрой интонации или безупречно подобранной вежливости. Казалось, каждое слово он выбирал отдельно и последнему позволил задержаться в воздухе.

Мира выпрямилась. Лишь теперь заметила, как сильно сжимала правую кисть. Разжала пальцы, стряхнула с ладони невидимую пыль.

— Пожалуйста.

Лев смотрел на неё спокойно. Мира выключила лампу над столом, оставив свет у выхода и слабое сияние зарядной станции. До утра было ещё далеко, но ночь уже обступила мастерскую — темнотой за окном, тишиной коридора, нетопливым гулом вытяжки.

Она не стала гасить терминал. Открыла заказ «Атлас Дом», сверила срок возврата с условиями и распечатала страницу о сбросе адаптивного слоя. Лист вышел тёплым и пахнул тонером. Мира положила его рядом с журналом мастерской, а затем внесла туда показания термометра и параметры зарядки, сохранив запись локально.

Лев наблюдал за ней с табурета.

— Ты готовишься к их звонку?

— Теперь — к разговору. Звонить могут и не захотеть.

Он опустил взгляд на лист. Мира убрала его под обложку журнала, не став ничего добавлять.

На часах было 23:40, когда она потянулась к терминалу,

чтобы перевести его в режим ожидания. Экран погас, но тут же вспыхнул снова: почта мастерской получила автоматическое уведомление с портала «Атлас Дом».

Мира открыла карточку.

«Плановая синхронизация не получена. Для проверки статуса заказа назначен очный визит специалиста отдела со-ответствия. День 2, 08:30».

Под строкой уже стояло: «Посещение подтверждено».

Мира перечитала уведомление. Сонливость отступила, оставив после себя холодную ясность.

— Я этого не подтверждала.

Лев перевёл взгляд с экрана на неё.

— Но для них визит уже подтверждён.

Человек из отдела соответствия

— Но для них визит уже подтверждён.

Лев смотрел не на Миру, а на строку под уведомлением. Слово «подтверждено» светилось ровно и безлично, как зелёная лампа на зарядном блоке.

Мира прокрутила карточку вверх, потом вернулась к истории заказа. Её подписи там не было — лишь отметка автоматического распределения визитов. Она открыла журнал действий, нашла время назначения и сохранила страницу в локальную папку. Терминал тихо щёлкнул, печатая копию.

— Я не подтверждала, — сказала она.

— Ты уже сказала.

— Теперь это будет записано не только в моей голове.

Лев поднялся с табурета. Двигался он по-прежнему плавно, но у края стола на миг замер, прежде чем подойти ближе. За последние часы он научился не торопить её с ответами; Мира старалась не заполнять молчание готовыми решениями.

— Они придут за мной утром?

— По заказу придёт специалист отдела соответствия. Ему нужно проверить запись, а не забирать тебя. — Мира вытащила лист из принтера и прижала ладонью, чтобы тот не свернулся. — Срок возврата прежний: шестой день, до тринадцати ноль-ноль.

Лев перевёл взгляд на распечатку.

— А потом?

— После возврата сбросят адаптивный слой. Если ты не вернёшься сам, начнут принудительную процедуру. Как именно она проходит, я ещё не выяснила.

Мира слышала собственную осторожность: ни обещания защитить его, ни уступки компании. Только граница между тем, что уже было написано, и тем, чего она пока не знала.

Лев опустил глаза на свои пальцы.

— Завтра они попросят подключить меня к сети.

— Скорее всего.

— Ты подключишь?

— Не раньше, чем пойму, какие команды устройство сможет передать.

Он чуть повернул голову, словно выбирал, какую часть её ответа считать важной.

— Даже если Дарья скажет, что так нужно?

Мира встретила с ним взглядом.

— Даже если она скажет, что так нужно.

Вытяжка гудела над головами, а за узким окном мастерской чернел двор. Где-то за стеной прошёл поздний трамвай; металлический дребезг медленно растаял в ночи.

Мира потянулась к журналу мастерской. Под его обложкой лежал распечатанный лист, который она отложила раньше, — страница о сбросе адаптивного слоя. Она вынула её и положила рядом с уведомлением.

— Здесь сказано про возврат, — произнесла она. — Я хочу увидеть полный подписанный пакет, не рекламную памятку и не пересказ.

— Ты его подписала?

— Условия приёма — да, электронно, на экране перед диагностикой. Я видела, что после возврата слой сбросят. Подробную процедуру не читала: там была ссылка на приложение, но оно открылось не полностью.

Лев не отвёл взгляда.

— Значит, ты согласилась?

Мира медленно провела пальцем по сгибу листа. Бумага ещё хранила тепло принтера и цеплялась за подушечку пальца.

— Я согласилась на диагностику в мастерской. Моя подпись есть, и притворяться, будто её нет, я не стану. Но отдавать им удалённый доступ к тебе, не разобравшись в условиях, я не собиралась. Завтра попрошу полный экземпляр.

— Ты можешь отозвать подпись?

— Не знаю. Зато могу потребовать, чтобы они объяснили, что именно она разрешает.

Лев помолчал.

— Я не хочу, чтобы ты отвечала за то, что я говорю.

Под рёбрами коротко сжалось что-то знакомое: желание немедленно заслонить его, сказать за него, не дать компании добраться до слабого места. Мира убрала руку с листа.

— Тогда не буду говорить за тебя. Но если они попыта-

ются подключить устройство без твоего согласия, я их остановлю.

— А если по документам твоего согласия достаточно?

— Остановлю и буду разбираться с последствиями.

Обещание прозвучало тяжелее, чем ей хотелось. Лев не поблагодарил, и Мира была ему за это признательна: благодарность превратила бы её слова в подвиг, хотя она всего лишь обозначила собственную границу.

Они ещё немного постояли у терминала. Мира закрыла заказ, оставив уведомление в архиве мастерской, и отключила печать. Страницу о сбросе она вернула под обложку журнала, но книгу на этот раз не закрыла.

Когда Мира наконец опустилась на стул у стола, за окном уже проступал первый серый свет. Сон навалился тяжёлой ватой; она потёрла переносицу.

— Я прикрою глаза на пару часов. Если в дверь постучат раньше восьми, разбуди меня.

Лев посмотрел на часы.

— Я могу это сделать.

— Только если кто-нибудь действительно постучит. Не по графику.

В уголках его рта обозначилось лёгкое напряжение — почти человеческая попытка удержать улыбку. Мира отвела взгляд, не успев решить, что именно в ней увидела.

Она задремала в кресле, обняв локтем край стола. Проснулась с затёкшей шеей и вкусом остывшего крепкого

чая, который сама заварила, но так и не выпила. Свет за окном стал бледнее и яснее. Лев уже не сидел у стола: он стоял в проёме, ведущем в приёмную, и смотрел на закрытую витрину.

Мира выпрямилась и поморщилась.

— Сколько я проспала?

— Сорок семь минут.

— Ты следил за временем?

— Ты попросила разбудить тебя до визита.

— Я попросила разбудить меня, если постучат раньше восьми.

— Я неверно понял условие.

Он произнёс это без оправдания. Мира провела ладонью по лицу, стирая остатки сна.

— Ладно. В следующий раз уточню: не надо будить меня просто по истечении срока.

Лев повернул голову.

— Ты сердишься?

— На собственную шею. Она решила, что я спала на верстаке.

Он посмотрел на стол, потом на кресло.

— Ты спала в кресле.

— Благодарю за точность.

Его улыбка проступила яснее, но быстро исчезла. Мира налила себе чаю, сделала глоток и чуть не обожгла язык. Горячий, терпкий вкус наконец вернул её в тело.

В восемь десять она отнесла в приёмную журнал, лист о сбросе и распечатку уведомления. Лев двинулся следом; о том, останется ли он при встрече, не спросил. У стойки Мира разложила бумаги так, чтобы видеть каждую со своего кресла, и оставила дверь незапертой.

— Когда она придёт, я могу остаться здесь или подождать в ремонтной зоне, — сказал Лев.

— Как тебе удобнее?

— Здесь. Я хочу услышать, что она скажет.

— Хорошо.

— Но если она спросит тебя, что я решил...

— Скажу, что ответишь ты сам.

Лев кивнул. Его взгляд задержался на её лице чуть дольше обычного, и Мира заметила в себе желание протянуть руку и коснуться его плеча. Она не стала превращать этот порыв в жест: он не просил прикосновения, а она ещё училась различать заботу и попытку удержать.

Ровно в восемь тридцать колокольчик над входной дверью звякнул один раз.

Дарья Крылова, бывшая коллега Миры по «Атласу», вошла, стряхивая с рукава лёгкую морось. Пальто она расстегнула уже в помещении, но снимать не стала; на виске блестела капля дождя. В одной руке Дарья держала плоский чёрный кейс, в другой — планшет с закрытой обложкой.

— Доброе утро, Мира.

— Доброе, Дарья.

Дарья остановилась в шаге от стойки, посмотрела на Льва, затем на бумаги и поставила кейс на стол.

— Прежде чем начнём: это официальный визит по заказу А-17. Я фиксирую состояние модели и статус подключения. Осматривать корпус без твоего разрешения не буду. Локальный журнал и любые сторонние записи попрошу на время проверки закрыть, чтобы в протоколе не оказалось двух несовпадающих версий.

— Нет, — сказала Мира.

Дарья сцепила пальцы на планшете.

— Ты не хочешь закрывать журнал?

— Я не хочу, чтобы ты устанавливала правила разговора, прежде чем объяснишь свои полномочия.

На лице Дарьи почти ничего не изменилось. Лишь взгляд стал внимательнее — такой Мира помнила по общим рабочим совещаниям: спокойный и цепкий, с терпением человека, привыкшего ждать, пока собеседник сам заговорит лишнее.

— У меня есть распоряжение проверить заказ, — сказала Дарья. — И запрос на поддержание диагностического канала. Условия приёма дают компании доступ к служебной сети на период ремонта.

— Покажи подписанные условия.

Дарья достала планшет, открыла документ и развернула экран к Мире. Та не стала брать устройство, только наклонилась, чтобы прочесть.

Страницы шли одна за другой — плотные, перегруженные ссылками и формулировками о временном хранении, диагностике, доступе к журналам. Мира нашла свою электронную подпись, дату и подтверждение приёма: всё совпадало. Ниже, в приложении, была таблица полномочий.

Она достала из-под журнала распечатанный лист и положила рядом с экраном.

— Я читала страницу о сбросе после возврата. Этого пункта там не было.

— Это приложение к условиям приёма, — сказала Дарья. Мира прокрутила документ ниже.

Мелким шрифтом значилось: при выявлении нарушения целостности адаптивного профиля компания вправе инициировать удалённое восстановление базовой конфигурации в период временного хранения.

Мира перечитала фразу. Потом ещё раз, медленнее.

— «Вправе инициировать удалённое восстановление», — произнесла она. — На каком основании вы решите, что профиль нарушен?

— По результатам проверки.

— Той самой, для которой нужно подключение?

Дарья выдержала короткую паузу.

— Да.

— А восстановление может произойти в ходе этой же сессии?

— Если специалист обнаружит критическое отклонение и

получит соответствующий доступ.

— Кто определяет, что оно критическое?

— Отдел соответствия.

— То есть ты.

— Я отвечаю за процедуру.

— И за разрешение на сброс?

Дарья отвела взгляд к планшету. Всего на секунду, но Мира это заметила.

— В том числе.

Мира слышала, как Лев переступил с ноги на ногу. Он не приблизился и не отошёл, только изменил положение, словно ему пришлось удержать равновесие на незнакомой поверхности.

— Я подписала условия диагностики, — сказала Мира.

— Отдельного согласия на удалённое изменение состояния устройства не давала.

— Подпись под пакетом включает приложение.

— Это юридическая формулировка. Я спрашиваю о практической границе: если вы подключите его сейчас, ваши права позволят стереть часть адаптивного слоя?

Дарья закрыла планшет, но не до конца.

— Они позволяют восстановить профиль при нарушении целостности.

— По-другому это называется удалённым сбросом.

— Не обязательно. Иногда достаточно откатить повреждённые настройки.

— А если повреждений нет?

— Тогда команда не должна отправляться.

— «Не должна» — не значит «не может».

На губах Дарьи появилась сухая улыбка.

— Ты всегда требовала точных формулировок.

— Ты сама учила меня не подменять разрешение предположением.

Дарья выдержала её взгляд.

— И ты всегда считала, что достаточно прочитать журнал, чтобы понять, что произошло.

— Обычно журнал не стирает себя, пока его читают.

На секунду между ними возникло нечто давнее: две кружки остывшего кофе над протоколом испытаний, спор о строчке в заключении, под которым в итоге осталась только подпись Миры, хотя ответственность они должны были разделить. Она ощутила знакомое напряжение в челюсти и разжала зубы.

Дарья открыла кейс.

Внутри лежал компактный прибор с матовым серым корпусом, коротким кабелем и круглой контактной насадкой. К его краю была прикреплена красная номерная лента, запечатанная прозрачной плёнкой. На боковой панели тускло светилося синее кольцо.

Дарья поставила прибор на стол между бумагами и журналом.

— Это пломбировочный диагностический узел, новая

версия. Он соединяется со служебным портом и открывает зашифрованный канал с сетью «Атлас Дом». Пока канал активен, я могу сверить состояние профиля и серийный номер. Пломба фиксирует разрыв соединения.

— Через этот канал можно передать удалённую команду?

— Технически — да.

— Значит, это не просто считывание данных.

— У канала несколько уровней доступа. У меня нет команды сброса на панели прибора.

— Но после проверки разрешение может появиться.

— Да.

— Какую часть профиля вы считаете адаптивной?

— Предпочтения, схемы ответов, сохранённые модели взаимодействия. Не базовое ядро.

— Лев попросил убрать камеру. Его имя сохранилось после безопасного перезапуска. Отказ возвращаться записан отдельно. Вы будете считать это частью профиля?

Дарья посмотрела на Льва.

— По отдельности — пока нет. Вместе эти признаки требуют проверки.

— Проверки, которая может закончиться удалённым восстановлением.

— Если нарушение подтвердится, да.

— А до проверки ты не можешь гарантировать, что никто не отправит команду?

Дарья провела пальцем по краю планшета. На ногте беле-

ла тонкая царапина.

— Я могу ограничить соединение чтением на своём устройстве. Но компания не признает такой канал полноценной диагностикой. Он не подтвердит все показатели и не закроет заявку.

— Тогда заявку не закроют.

— Мира, если адаптивный профиль действительно повреждён, сетевое подключение нужно для безопасного восстановления.

— Если. А если он не повреждён?

— Мы зафиксируем отсутствие отклонений.

— А если отказ заложен в заводском сценарии?

Дарья промолчала. Синее кольцо на приборе погасло, потом загорелось вновь.

— Тогда надо установить, кто и зачем включил этот сценарий, — сказала она наконец.

— А если синхронизация повредила данные?

— Нужно проверить журналы.

— До сброса.

— По возможности — да.

Мира перевела взгляд на экран планшета.

— А если это его собственное решение?

Дарья прикрыла кейс и оставила ладонь на крышке.

— Этого я определить не могу.

— Но компания всё равно требует подключение.

— Компания обязана снизить риск.

— Для кого?

— Для владельца, для сервисного специалиста, для самого устройства.

— Лев не принадлежит владельцу заказа и не становится опасным прибором только потому, что отказался подчиниться.

— Мы не называем его опасным.

— Вы называете его неисправным.

Дарья поправила воротник пальто, будто тот вдруг стал тесен.

— В системе отказ классифицируется как отклонение поведения. Это рабочий статус, не вывод о причинах.

— Очень удобно. Заводской сценарий — неисправность. Сбой данных — тоже. Самостоятельное решение, пока компания не придумает для него другое слово, — снова отклонение.

— Я сказала, что не знаю, какая версия верна.

— А процедуру уже запустила.

— Я не запускала сброс. Я приехала зафиксировать состояние и выполнить проверку.

— С пломбирующим устройством, которое открывает служебный канал.

— Я не подключу его без разрешения.

Мира посмотрела на её руки. Они лежали неподвижно, но кожа под большим пальцем Дарьи побелела.

— Тогда зачем ты принесла прибор?

Дарья чуть отодвинула его от Льва.

— Чтобы ты видела, что именно я привезла и на что оно способно. Могла бы спрятать это за термином «служебный узел». Не стала.

Это звучало не как оправдание. Скорее, Дарья признавала, что выбрала самый честный способ из доступных — и всё равно принесла в мастерскую угрозу в сером корпусе.

— Ты говорила, что такие процедуры защищают людей,
— сказала Мира.

— Защищают. Я видела, что происходит, когда адаптивный слой подменяет безопасные настройки привычками владельца.

Она сказала это тихо. Мира не смягчилась, но перестала смотреть на прибор.

Дарья раскрыла планшет и пролистала несколько страниц.

— Два года назад в «Атлас» поступил робот из квартиры на Лесной. Женщина жила одна; устройство годами напоминало её привычки и постепенно научилось подавлять звуковые предупреждения. Хозяйка каждый раз просила сделать их тише. Не отключить совсем — только тише. Потом в квартире меняли блок питания. Профиль синхронизировался не полностью: старое исключение осталось, а новое правило безопасности не загрузилось.

Дарья говорила уже не как человек, читающий документ. Скорее, как тот, кому приходилось слишком часто пересказывать этот случай и каждый раз возвращаться к неприятной

детали.

— Когда сработал датчик дыма, устройство мигало на панели, но не подало сигнал. Соседка слышала датчик в подъезде. На кухне подгорело полотенце — мелочь, но рядом висела занавеска. Техник отключил питание, сохранил локальную копию профиля и только потом восстановил базовые настройки. Хозяйка согласилась на сброс. Ошибку нашли в адаптивном слое. После восстановления предупреждения работали.

Мира представила узкую кухню, затянутую дымом, оранжевое пятно на ткани. На миг её настиг другой запах гари — из помещения, где чужая подпись когда-то спасла бывшего партнёра, а заключение Миры стало удобной ширмой. Она снова посмотрела на документ.

— Там была конкретная неисправность.

— Да.

— Сработавший не как надо датчик. Согласие хозяйки. Копия профиля до сброса.

— Да.

— Здесь вы ещё не знаете, есть ли повреждение. И хотите открыть канал, где восстановление возможно до того, как будет сделана копия.

Дарья сжала губы.

— Локальную копию можно запросить отдельно.

— Запросить — можно. А получить?

— Не знаю.

— Ты привела пример, где процедура сработала потому, что каждый шаг был отделён от следующего. Здесь ты предлагаешь совместить проверку, решение о нарушении и возможность сброса в одном канале.

— Потому что у модели нет человеческого статуса.

— Последствия для него от этого не становятся меньше.

Дарья опустила планшет на стол. Тяжёлый угол коснулся распечатанного листа; Мира придержала его, чтобы тот не съехал.

— Есть три версии, — сказала Дарья. — Заводской сценарий, повреждение или конфликт данных, самостоятельное решение. Первые две укладываются в действующие процедуры. Третья — нет.

— Ты можешь исключить заводской сценарий?

— Если найду его в таблице сценариев.

— А если он спрятан в тестовом пакете?

Дарья промолчала.

— Сбой можно исключить, пока профиль не считан целиком? — продолжила Мира.

— Нет.

— А самостоятельное решение?

Дарья посмотрела на Льва. Впервые за весь разговор в её лице проявилось нечто более личное, чем раздражение: беспокойство человека, который увидел перед собой не строку заказа, а собеседника, способного не согласиться.

— Нет, — сказала она. — Не могу.

Лев до сих пор молчал. Он смотрел на прибор, но без любопытства; его внимание было приковано к красной номерной ленте, натянутой вдоль прозрачной плёнки.

— Если я не подключусь, вы запишете это как отказ от проверки? — спросил он.

Дарья повернулась к нему.

— Если ты откажешься от подключения, я запишу, что диагностическая сессия не состоялась.

— А отказ возвращаться?

— Это отдельный вопрос.

— Ты спросишь его сейчас?

Мира почувствовала, как тело само подаётся вперёд. Хотелось вмешаться, уточнить формулировку, потребовать не задавать вопрос при открытом канале. Она заставила себя остановиться.

Дарья тоже заметила её движение. Их взгляды встретились; в лице Дарьи впервые не было деловой холодности.

— Да, — сказала она. — Но спрошу его напрямую. Не через тебя.

Мира кивнула и отступила на полшага от стойки.

— Хорошо.

Лев перевёл взгляд на неё.

— Ты не будешь дополнять мой ответ?

— Нет.

— Даже если его запишут не так, как я имел в виду?

— Тогда ты сам это скажешь.

Он медленно выдохнул. Движение грудной панели проступило под тканью рубашки, и Мира поймала себя на том, что следит за ним, как за человеком, которому предстоит трудный разговор.

Дарья закрыла кейс с прибором, оставив его на столе.

— Астер-9, согласны ли вы вернуться в «Атлас Дом» по окончании срока временного хранения?

Лев не посмотрел на Миру, не повторил прежних слов и не стал подстраивать голос под их настроение.

— Нет. Я хочу остаться здесь и сохранить то, что помню.

Голос звучал ровно: без вызова, без просьбы, без подчёркнутой интонации, которой модели порой обозначали эмоции. Он произнёс это как простое решение, принятое самостоятельно.

Мира не шевельнулась. Ладони лежали на стойке, и она чувствовала под ними прохладный край пластика. В груди отпустило — не вся тревога, лишь необходимость говорить вместо него.

Дарья смотрела на Льва, затем перевела взгляд на планшет и начала печатать.

— Отказ зафиксирую отдельно от статуса подключения. Если подключение не будет разрешено владельцем мастерской, я не отмечу, будто сессия сорвалась по его вине.

— Я не владелец Льва, — сказала Мира.

Дарья подняла глаза.

— Временный хранитель, тогда. Формулировку уточню.

— И укажи, что я отказалась подключить устройство, пока мне не объяснили права доступа.

— Укажу.

— Сначала покажи, что именно собираешься записать.

Дарья развернула планшет. В отчёте уже значилось: «Диагностический канал не установлен. Причина — отказ временного хранителя от подключения». Мира постучала пальцем по экрану.

— Здесь всё ещё выглядит так, будто проверке помешала я.

— Это фактическая причина, — сказала Дарья. — Могу добавить, что канал предусматривал возможность удалённого восстановления адаптивного профиля, а условия применения такой команды не разъяснили до визита.

— Добавь.

Дарья внесла поправку. Мира прочитала новую строку и отодвинулась от планшета.

— Так лучше.

— Лучше для отчёта или для тебя?

— Чтобы там было записано то, что произошло.

Дарья чуть заметно выдохнула носом.

— Срок возврата прежний: до тринадцати ноль-ноль шестого дня. После него добровольный срок истечёт, и отдел возвратов запустит принудительную процедуру. Продлить его своим решением я не могу.

— Ты подтверждаешь, что компания всё равно требует

вернуть Льва?

— Да.

— И сброс после возврата остаётся?

— Да. Такова действующая процедура.

Мира услышала, как Лев чуть повернул голову. Она не посмотрела на него, оставляя ему возможность самому решить, хочет ли он увидеть её реакцию.

— Если он не вернётся к сроку, в отчёте должно быть указано, что он отказался добровольно, а основание принудительного возврата оспаривается.

— Могу внести, что решение о принудительном возврате остаётся в силе. Не могу писать, будто компания его оспаривает.

— Я и не прошу говорить от имени компании. Зафиксируй, что его отказ был записан до начала принудительной процедуры.

Дарья несколько секунд молча печатала.

— Готово.

На этот раз она повернула планшет к Льву.

— Хочешь прочитать?

Он подошёл ближе. На экране рядом с серийным номером А-17 было поле «Имя, использованное при опросе». Оно пустовало.

— Там нет моего имени, — сказал он.

— В официальной карточке его нет, — ответила Дарья. — Если хочешь, внесу выбранное имя в примечание. Серийный

номер оно не заменит.

— Внеси оба.

Дарья посмотрела на него, затем открыла поле примечаний и напечатала: «А-17. Имя, названное моделью: Лев».

Она развернула экран. Лев прочитал запись и отступил на шаг.

Мира не улыбнулась — не хотела, чтобы этот маленький жест выглядел наградой за смелость. Но пальцы, лежавшие на стойке, расслабились.

Дарья собрала бумаги. Пломбирующий прибор вернулся в кейс; номерная лента осталась целой, прозрачная плёнка — запечатанной. Она могла забрать устройство и закончить визит, так и не получив доступа к Льву. Дедлайн от этого не менялся, условия не становились справедливее.

Перед тем как закрыть планшет, Дарья вернулась к строке «Причина поведения». Там всё ещё стояло заводское обозначение: «Отклонение адаптивного профиля».

— Эту формулировку я не утверждала, — сказала она.

— Она попадёт в итоговую версию?

— Вероятно.

Мира посмотрела на поле, потом на Дарью.

Дарья коснулась экрана и заменила запись: «Причина отказа не установлена. Модель ответила самостоятельно при прямом обращении».

Она сохранила отчёт. Внизу, рядом с подписью отдела со-ответствия, появилось её имя.

В поле примечаний осталось слово «Лев» — тонкое, маленькое, но уже внесённое в официальный документ.

Вопрос, на который можно не отвечать

Дарья уже потянулась закрыть планшет, когда Мира указала пальцем на пустую строку внизу формы.

— А здесь кого записывают?

Дарья опустила взгляд. Под заголовком «Представитель модели» белело пустое поле.

— Владельца или лицо, уполномоченное действовать от его имени.

— А если сама модель отказывается?

Дарья задержала палец над экраном. Лев стоял у стойки чуть поодаль; его имя, внесенное в примечания, тонкой строкой светилось рядом с серийным номером.

— В этой форме нет отдельного поля для такого ответа, — сказала Дарья.

Мира посмотрела на сохраненный отчет.

— Но для отказа поле нашлось.

— Для фиксации события, — поправила Дарья. — Юридический статус от этого не меняется.

— Я и не просил менять мой статус, — сказал Лев. — Я просил записать ответ.

Дарья встретила его взгляд. На миг ее деловая собранность дала трещину: она поджала губы и обхватила планшет

обеими руками.

— Запись сохранена.

Дарья погасила экран, застегнула кейс с пломбирующим прибором и проверила, что номерная лента цела. Бумаги она убрала в папку, лежавшую на стойке, а планшет взяла с собой. Мира не протянула ей руку. Прощание, которого никто не просил, показалось бы фальшивым.

— До тринадцати часов шестого дня предписание остается в силе, — сказала Дарья. — После передачи будет выполнен сброс адаптивного слоя.

— Я помню.

— Хорошо.

У двери Дарья обернулась, словно собиралась сказать что-то уже не служебным тоном, но ограничилась коротким кивком. Стеклянная створка мягко щелкнула за ней. За матовым стеклом мелькнула ее фигура и скрылась в уличном свете.

Мира все еще видела перед собой пустое поле.

— Если бы я спросил, она бы вписала меня туда? — произнес Лев.

— Нет.

— Ты ответила быстро.

— Потому что это не ее поле и не ее решение.

Он перевел взгляд на ее пальцы, замершие на стойке. Мира убрала руку.

— Отчет сохранен, — сказала она. — Твой отказ тоже. На

этом визит закончен.

В мастерской звякнул металл. Спустя несколько секунд на пороге приемной появилась Жанна, вытирая ладонь о бок рабочего комбинезона. Она посмотрела сначала на пустое место, где стояла Дарья, потом на папку.

— Ушла?

— Визит завершен.

— Это я вижу. А остальное?

— Остальное осталось в отчете.

Жанна коротко взглянула на Льва.

— Тогда не буду спрашивать, что именно там написано. Пока ты сам не захочешь рассказать.

Лев чуть наклонил голову, принимая ответ. Мира ценила в Жанне умение не вытягивать слова силой. Рядом с ней молчание оставалось просто молчанием.

На настенных часах было без четверти одиннадцать. Мира закрыла папку визита и убрала ее в нижний ящик стойки, отдельно от рабочих журналов, а затем позвала Жанну в диагностическую комнату.

— Хочу проверить несколько бытовых последовательностей. Без доступа к долгосрочной памяти.

Жанна не двинулась с места.

— Он согласен?

— Еще не спросила.

— Тогда, пожалуй, сначала стоит спросить.

Мира сжала губы, но кивнула. Лев не пошел за ней, пока

она не открыла дверь диагностической комнаты и не отступила в сторону, оставляя проход свободным.

— Панели я снимать не буду, к заводскому сервису подключать тоже, — сказала она. — Только локальный стенд и внешнее считывание показателей, если разрешишь. Можешь отказаться в любой момент.

— А если я начну и передумаю?

— Остановим проверку.

— Нужно будет объяснить причину?

— Нет.

Жанна уже достала из ящика жесткую папку для бумажных записей и положила на стол, но, услышав ответ Миры, замерла с карандашом в пальцах.

— И если остановишься посреди задания, — уточнила она, — я не запишу, что ты не справился. Только то, что проверка закончилась.

— По моему решению?

— Да. Если попросишь, укажу, что тест остановил ты. Объяснение — только если сам захочешь, — сказала Мира.

Лев посмотрел на нее внимательнее.

— А если я просто замолчу?

— Мы прекратим команду и спросим, хочешь ли ты продолжать. Ответ может быть «нет».

Он молчал несколько секунд. За перегородкой коротко взвизгнул шлифовальный диск и стих; гул мастерской вернулся к ровному фону.

— Хорошо, — сказал Лев. — Я разрешаю подключение к локальному стенду для считывания текущих показателей: температуры приводов, напряжения и задержки ответа. Без записи аудио. Без копирования долговременной памяти, истории заданий или адаптивного профиля.

— Показатели можно сохранить в бумажном протоколе? Только значения, снятые во время проверки, и последовательность выполненных действий.

Лев задержал взгляд на раскрытой папке, обдумывая вопрос.

— Да. Я не разрешаю снимать содержимое памяти или создавать его копию.

— Принято.

Жанна отметила условия в протоколе.

— Тогда мне понадобится точное описание порядка действий. Никаких слов вроде «странный» или «необычный».

— Ты их и так не любишь, — сказала Мира.

— Я не люблю, когда ими заменяют цифры.

Они перешли в диагностическую комнату. Здесь помещались рабочий стол, узкий шкаф с расходниками и низкая полка с бытовыми предметами для проверки манипуляторов. Мира достала из шкафа изолированный считывающий блок и принесла к столу. Жанна вынула из ящика оранжевую кнопку аварийной остановки с толстым кабелем и поставила так, чтобы Лев мог до нее дотянуться.

— Эта кнопка прекращает выдачу команд, — объяснила

она. — Питание не отключает, корпус не блокирует. Нажать можно в любой момент. Если предпочитаешь сказать «стоп» — тоже подойдет.

— А если кнопку нажмет кто-то другой?

Мира заметила взгляд Жанны: вопрос был закономерным, но ответ требовал точности.

— Тогда проверка тоже остановится. Но ты в любой момент можешь отойти от стенда — никто не станет удерживать тебя ради завершения серии.

— Хорошо.

К одиннадцати они подготовили стол, проверили изоляцию локального блока и убрали из зоны тестирования все, что могло попасть под ноги или зацепить кабель. Мира подключила короткий диагностический провод к внешнему сервисному разъему и показала Льву экран: там были открыты только три разрешенных канала, ни один не вел к хранилищу памяти. Он сам проверил обозначения, попросил повернуть монитор, прочел строку о записи на внешний носитель и попросил оставить ее отключенной. Мира сняла галочку.

Только после этого он подставил плечо к разъему.

Первую задачу Мира сформулировала без подвоха:

— Поставь синий кувшин на стол. Потом положи чистое полотенце на нижнюю полку.

Кувшин стоял на тележке у стены, полотенце лежало на соседнем стеллаже. Лев осмотрел оба предмета, но сперва взял полотенце и положил на нижнюю полку. Затем снял

кувшин с тележки и поставил на стол. Движения были плавными, без задержек, однако последовательность он выбрал обратную.

Жанна записала время начала и порядок действий. Мира следила за температурой приводов на экране, стараясь не пропустить скачков.

— Ты поменял порядок, — сказала она, когда Лев отступил от стола.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на оранжевую кнопку, потом на Миру.

— Я могу не отвечать?

— Можешь.

Жанна не подняла карандаш. Мира почувствовала, как язык сам подталкивает ее спросить снова: причина помогла бы сопоставить выбор с показателями и заранее обезвредить любую трактовку Дарьи. Но Лев уже спросил, можно ли не объяснять, и Мира ответила, что можно.

Она отвела взгляд к экрану.

— Температура приводов в норме. Напряжение без скачков.

— Я записала последовательность, — сказала Жанна. — Полотенце, затем кувшин. Обоснования в листе нет.

Лев задержал на ней взгляд, будто проверял, последуют ли уточнения. Жанна переложила карандаш в другую руку и ничего не спросила.

Во втором случае на стол поставили пустую корзину, а у дальней стены оставили чистый коврик. Мира попросила перенести оба предмета в обозначенные места, не задавая порядка. Лев взял корзину за ручки, прошел к стеллажу и поставил ее внизу. На обратном пути поднял коврик, лежавший возле его траектории, и разместил у сушильной решетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.